

УДК 321.7:329.8

Л.И. Евсева, И.Е. Тимерманис

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

ЕВСЕЕВА Лидия Ивановна – доцент Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор философских наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: l.evseeva@mail.ru

ТИМЕРМАНИС Игорь Евгеньевич – профессор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; доктор социологических наук.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: 57prof@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена проблемам социальной адаптации человека в современных условиях информационного давления медийных сетевых структур. Проанализированы коммуникативные технологии общественного регулирования публичной сферы. Обосновывается необходимость использования новых механизмов легитимных форм упорядочения информационно-коммуникативного пространства как ресурса стабилизации политической системы.

Ключевые слова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА; МЕДИЙНЫЕ СТРУКТУРЫ ВЛАСТИ; КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ; СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ.

Взаимоотношение политики и коммуникационных процессов относится к проблемам, получающим порой неоднозначное теоретическое осмысление. Влияние современных технологий и коммуникации на политическую сферу представляется нам весьма важным, особенно в условиях глобализации и стремительного развития медийных сетевых технологий.

Американский социолог Э. Тоффлер считает, что к исходу XXI века информация и знания станут важнейшими ресурсами власти, а механизмом, контролирующим изменения, будет власть. «Непредсказуемость» будущего отражена в широко известной формулировке Тоффлера – «шок будущего». Именно изме-

нение, быстро идущее в непредсказуемых направлениях, становится основной чертой жизни человечества будущего, и оно непременно будет влиять как на общество в целом, так и на личность. Тоффлер, говоря о тенденциях демассификации СМИ, указал на повышение их интерактивности вследствие внедрения новых сетевых технологий [1].

Дж. Нэсбитт и П. Эбурдин считают, что современные информационно-коммуникационные технологии существенным образом поддерживают и развивают демократические процессы даже в условиях авторитарных систем, что в условиях, когда компьютер расширил могущество личности, граждане могут более

эффективно следить за действиями своих правительств, нежели правительства могут следить за действиями граждан, и что компьютеры, спутниковая телефонная связь, телефаксы наделяют человека властью, а не угнетают его, как этого боялись раньше [2].

Происходящая в современном мире глобальная трансформация индустриального общества в информационно-коммуникационное сопровождается не только проникновением коммуникации во все сферы жизнедеятельности, возникновением и развитием качественно нового типа коммуникативных структур и процессов, но и глубоким переосмыслением коммуникативной природы социальной реальности [3].

Цель данной статьи – обосновать важность использования информационно-коммуникативных технологий в политической сфере и необходимость регулирования плебисцитарных механизмов, возникающих в условиях глобализации и информационного давления медийных сетевых структур.

Методологическими предпосылками исследования выступают идеи о том, что информационные обмены являются базовыми предпосылками формирования устойчивой политической системы.

Реальность современных социально-экономических отношений требует совершенно новых типов организации, поведения, мотивации и этики. Огромные массы людей объективно нуждаются в таких рецептах поведения, которые позволяют им быстро адаптироваться к новым формам общественной жизни. Получение информации воспринимается массовым сознанием как единственное и надежное средство успеха, как механизм общественного регулирования. Путем передачи сообщений политические субъекты сигнализируют о своем существовании различным контрагентам и устанавливают с ними необходимые контакты и связи, позволяющие им играть различные роли, в том числе и политические.

Целенаправленные контакты между людьми, обладающими разнообразными знаниями, сведениями, сообщениями, соединяют разные уровни политической системы и дают возможность институтам власти выполнять свои специфические функции по управлению обществом. В этом плане информация выступает и

как предпосылка действий любого политического субъекта, и как его важнейший ресурс, позволяющий эффективно взаимодействовать в политической сфере ради достижения своих целей. Сегодня политическая коммуникация формирует политический мир, функционирующий по своим законам.

В процессе развития электронные технологии стали не только фундаментом управления информацией, но и средством поддержания социальных связей и социального контроля [4]. По утверждению С.В. Тихоновой, в социально-философской рефлексии панорама коммуникационной революции конструируется по трем направлениям: оперирование информацией – виртуальная реальность – социальное взаимодействие [5, с. 53].

В ходе анализа тенденций в экономике, культуре и политике Э. Тоффлер фактически предсказал некоторые технологии, появившиеся спустя двадцать лет после выхода его книги благодаря развитию Интернета (децентрализованное производство по «индивидуальному заказу» через компьютер, телеработа, дистанционное обучение и др.). Общество должно эволюционировать к полностью антибюрократическим властным формам, поскольку свободный, многообразный и неисчерпаемый поток информации обуславливает уничтожение иерархической структуры коммуникаций, порожденной авторитарной организацией власти. Р. Дейберт писал, что поскольку коммуникации являются жизненно важной частью человеческого существования, постольку любые изменения в способах коммуникации имеют существенные последствия для распределения власти внутри общества, для изменения индивидуального и социального сознания, а также для пересмотра социальных ценностей [6].

Процесс глобальной информатизации развивается стремительно и непредсказуемо, опережая теоретическое осмысление ее последствий. Складывающаяся в мире глобальная инфраструктура электронных средств сбора, хранения, обработки и передачи информации – инфосфера – впечатляет своими масштабами влияния на философию человеческих отношений. Если первая (латентная) волна информации периода с конца XIX века по 50-е годы XX века лишь косвенно затронула политическую жизнь общества, то вторая волна фактически создала новую со-

циальную реальность [7]. Знания приобретают ведущую роль в жизни человека, а воздействие людей на информацию постепенно становится основным видом деятельности. Итогом современных социальных перемен, порожденных развитием и конвергенцией информационных и коммуникационных технологий, будет создание общества нового типа – «глобального», или «информационного», в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных, ни политических границ. Приобщение к новым информационным технологиям, с одной стороны, будет способствовать взаимопроникновению культур, а с другой – откроет для каждого сообщества и личности новые возможности самоидентификации.

Знание, или систематизированная определенным образом информация, является силой, мощью воздействия которой зависит:

- от содержащегося в ней информационного потенциала;
- технологических, социальных и психологических форм и методов ее передачи;
- степени подготовленности воспринимающего субъекта к ее получению и пониманию.

В демократическом государстве, основанном на принятии важнейших решений большинством голосов, предъявляются повышенные требования к таким потребительским свойствам информации, как достоверность, содержательность, актуальность, доступность для восприятия. Нормативная модель современной демократии строится на фундаменте представлений о гражданине как личности, которая ответственно, сознательно и компетентно участвует в политике. Сама политика является составной частью повышенного динамизма общественных процессов. Это находит свое выражение в быстрой смене ситуаций, неопределенности, непредсказуемости, противоречивости как самих действий и событий, так и их последствий. Отсюда демократический потенциал личности не имеет возможности проявиться без соответствующего образования, знаний, полученных от информационных институтов (образовательных учреждений, СМИ и др.).

Более широкий подход к проблеме коммуникаций дает возможность расширить круг социальных явлений, которые можно назвать «коммуникативными». Это:

- непосредственные формы общения (встречи, митинги, демонстрации, публичные выступления и др.), которые можно подразделять в зависимости от числа людей, осуществляющих личный контакт, целей общения и самого характера общения;

- организованные формы обучения и воспитания (отличаются тем, что планируются и проводятся по определенной программе и, хотя каждая учебная группа имеет ограниченную численность и общий учебный план, дают возможность осуществить одинаковую подготовку большого числа людей). С точки зрения охвата этот вид непосредственных коммуникаций имеет массовый характер, обмен информацией происходит в одном направлении и адресован постоянной, хорошо знакомой аудитории;

- кино, телевидение, радиовещание, Интернет (обеспечивают обмен мыслями, культурной информацией своими специфическими способами, обусловленными техническими особенностями и возможностями). Аудитория их многочисленна, по составу разнообразна и постоянно анонимна, поэтому в каждом отдельном случае совершенно невозможно точно знать, кто будет слушателем той или иной передачи, читателем статьи, книги. Контроль за усвоением передаваемой информации простыми способами здесь также невозможен;

- различного рода культурно-просветительные, развлекательные учреждения. Посещение их связано с известной тратой времени и средств, но они имеют преимущество, особенно важное для молодых людей, – пребывание среди людей, общение с ними.

У Е.П. Савруцкой коммуникации самым тесным образом связаны с их значительной ролью в развитии общества, с «возможностями сохранения культурно-исторического опыта народа, уникальных черт его идентичности и, что самое главное, самовоспроизводства общества как системы» [8, с. 27].

Развитие коммуникативного взаимодействия происходит через преодоление противоречий: во-первых, противоречия между глобализацией и интеграцией общественных процессов, с одной стороны, и индивидуализацией человека, намечающимися тенденциями демассификации средств и систем информации, а следовательно, демассификации личности и культуры – с другой [1, с. 279]; во-

вторых, противоречия между вестернизацией всех сфер общественной жизни и стремлением народов сохранить свои историко-культурные традиции и духовность как основные этнические идентификации; в-третьих, противоречия между потенциальными возможностями новых коммуникативных технологий в накоплении и распространении знаний и традиционными формами гуманитарного общения [9, с. 77–78]. В условиях, когда информационные обмены оказываются базовыми предпосылками развития политических (равно и других общественных) отношений, коммуникации формируют и формируют культурно-политическое пространство, транслируя и заново создавая его базовые и вторичные параметры. В подобной ситуации «власть и влияние» начинают принадлежать тем, кто «способен создавать новые культурные коды, используемые обществом для отражения реальности и выработки сознательных решений» [10, с. 58].

К. Дойч представляет политическую систему как информационно-коммуникационную. По его мнению, политическая система – достаточно сложная сеть информационных потоков и коммуникативных связей, построенная на принципе обратной связи. Целью политической системы является обеспечение постоянного развития и динамического равновесия между интересами всех политических групп. Эффективность функционирования политической системы зависит от количества и качества поступающей информации, уровня тех или иных политических агентов, решаемых задач, особенностей процесса переработки, передачи и хранения цепи сообщений и других факторов, а также состояния ее коммуникационных сетей [11]. Обратная связь играет в системе стабилизирующую роль.

С помощью предложенной информационно-коммуникационной модели можно вполне достоверно оценить реальность политических систем, поскольку они во многом зависят от качества самых разнообразных коммуникаций: передачи информации от управляющих к управляемым объектам и обратно, между блоками политической системы и окружающей средой [12, с. 13].

Смысловой аспект политической коммуникации включает в себя взаимодействие субъектов политики путем обмена информа-

цией в процессе борьбы за власть или ее осуществление и удержание. Он реализуется путем целенаправленной передачи и избирательно-го приема информации, без чего невозможно движение политического процесса. «Общество только кажется статичной суммой социальных институтов: в действительности оно изо дня в день возрождается или творчески воссоздается с помощью определенных актов коммуникативного характера, имеющих место между его членами» [13, с. 67].

В рамках данного подхода проблемы эффективности взаимодействия коммуникатора и реципиента переносятся исключительно на изучение различных каналов, средств и способов передачи информации, содержания сообщений, оставляя процессы восприятия и ответного поведения индивидов фактически вне поля зрения. Ж.-П. Гуревич отмечает, что в конце XX века в странах Запада установилась «телекратическая государственная система», в условиях которой большая политика делается в помещениях телестудий [14].

Посредством коммуникации передаются три основных типа политических сообщений: а) технологические сведения (связанные с установлением и поддержанием контакта между элементами политической коммуникационной системы); б) информативные (реальные или вымышленные сведения, несущие основную смысловую нагрузку передаваемых сведений); в) побудительные (вызывающие желание или понимание необходимости каких-либо действий в соответствии с содержанием полученной информации).

В конце XX века процессы коммуникации вышли на новый уровень – попали в сферу интересов государства. В этих условиях появляются теории коммуникации, которые выстраивают свои приоритеты, опираясь на новые типы информационных возможностей. В частности, М. Маклюэн построил свою теорию, базируясь на нескольких основополагающих идеях. Во-первых, это повышение роли канала коммуникации, обусловленное в ряде случаев характером сообщения. По его мнению, современные средства коммуникации (например, телевидение) передают не столько само сообщение, сколько его автора. Во-вторых, рассмотрение мира как одной глобальной деревни, единство которой достигается за счет СМИ. Под их влия-

нием меняются баланс чувств человека и социальное мировоззрение, исчезает или модифицируется индивидуализм, люди перестают быть отчужденными и разобщенными, т. е. электронные средства общения ведут к созданию нового общества, которое будет «всеохватывающим», требующим участия всех его членов. В-третьих, разделение СМИ на «горячие» и «холодные». Первые полностью «загружают» органы чувств, вторые из-за недостаточной информационной определенности задействуют не все органы чувств. С точки зрения Маклюэна, телевидение является «горячим» средством, радио – «холодным», ибо не вызывает такой высокой степени соучастия аудитории в своих передачах, как телевидение [15, с. 15].

Разрабатывая современную концепцию роли средств массовой коммуникации, исследователи используют концепцию известного немецкого теоретика Ю. Хабермаса относительно публичной сферы – активной, «политически функционирующей». Эта проблема у него предстает как стержневая, в зависимости от которой исследователь ставит другие социокультурные проблемы современности. Выделяя данную сферу, он наделял ее такими свойствами, как гласность, открытость, наличие и действенность общественного мнения, «общественность». Хабермас исходил из того, что впервые «общественная сфера» появилась в Англии в XVII веке и местом возникновения ее были кофейни. Люди собирались там, обсуждали политические вопросы и делали на основании этого выводы, заполняя тем самым общественное пространство между правительством, властью, гражданским обществом. Таким образом, появлялась зона общественного интереса, формирующая «общественную сферу».

Ю. Хабермас выделяет две формы коммуникации: стратегическую и нестратегическую, являющиеся соответственно выражением инструментальной и коммуникативной рациональностей. Первая ориентирована на достижение субъектом целей посредством влияния (воздействия) на других субъектов, вторая – на достижение консенсуса, т. е. согласованности интересов отдельного субъекта с интересами всех остальных участников интеракции. «Коммуникативными я называю такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достиг-

нутое... согласие измеряется intersубъективным признанием притязаний на значимость... В то время как в стратегическом действии один воздействует на другого эмпирически, угрожая применением санкций или рисуя перспективы вознаграждения, чтобы понудить его к продолжению... общения» [16, с. 91–92]. Нестратегические интеракции в зависимости от достижимости консенсуса подразделяются на коммуникативное действие и дискурс как наиболее эффективная форма выражения коммуникативного действия.

Основными чертами современного этапа в мировом информационном пространстве, по мнению многих исследователей, являются его непредсказуемость и высокая скорость технологических инноваций. Несомненный приоритет среди средств массовой коммуникации смещается в сторону электронных медиа, где главенствующую роль играет телевидение. Растут информационные потребности людей, информация превращается в массовый продукт и становится экономической категорией: расширяются инвестиции в данную сферу, всё больше сервисных услуг переходит в режим онлайн.

Новый этап в исследовании экономических и социально-политических особенностей информационного общества связан с именем М. Кастельса. В основе его рассуждений лежит постулат, что информация может легко проникать через любые преграды и границы, отсюда современная эра – это эпоха глобализации, при этом средством и продуктом глобализации общества являются «сетевые структуры». «Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение „сетевой“ логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [17, с. 296]. Тенденции глобальных преобразований существенно меняют политические процессы, постепенно модифицируется роль государства. В качестве отправной точки своих рассуждений Кастельс использует глобальную экономику и международные финансовые рынки, видя в них ключевые признаки складывающегося миропорядка. Так, противоречие между глобальностью деятельности транснациональных корпораций и локальностью налогообложения лишает национальное государство пространства для маневра

и реальных рычагов управления. Одновременно падает значение в жизни людей институтов и организаций гражданского общества, которые все больше утрачивают свою «легитимную идентичность» [17, с. 297].

В мире сетевых структур наряду с государством, глобальными «сетями» и индивидами существуют сообщества, которые объединяет «идентичность сопротивления». Подобные сообщества выступают против основной тенденции — глобализации. Для них характерны протестные настроения и минимальная включенность в традиционные гражданские структуры. Кастельс предполагал, что в перспективе некоторые из таких сообществ смогут, преодолев идентичность сопротивления, перейти к «идентичности, устремленной в будущее». Это позволит им создать новое гражданское общество и новое государство. Подобным потенциалом обладают женские и экологические ассоциации, а также религиозные, национальные и территориальные объединения, тем более что территориальная самобытность и рост ее общемировой активности ведет к возвращению на историческую сцену «городов-государств» [18]. Анализируя изменения в традиционном общественном укладе, исследователь выделяет современные информационно-коммуникационные технологии в качестве одного из наиболее значимых факторов в создании нового общественного уклада. По его мнению, усиление сети новых средств информации приводит к тому, что лидерство становится персонализированным, а путь к власти лежит через создание виртуальных имиджей [19, с. 27].

В настоящее время лидерство становится все более персонифицированным и путь к власти лежит через создание его имиджа. Политические деятели вовлекаются в игру, которую ведут СМИ. Растущая изоляция от граждан и периодические скандалы усиливают зависимость политических систем от освещения СМИ и личностных качеств лидеров. Изменяются и властные отношения. Это вызвано в первую очередь кризисом национального государства и той формы политической демократии, которая складывалась в течение последнего времени. Создаются условия для возникновения новой формы государства — «сетевой». Причинами тому являются глобализация, децентрализация властных полномо-

чий, переход их к региональным и локальным правительствам и др.

Политическая система, сохраняя влияние, в определенном смысле лишена власти. В информационном обществе власть оказывается вписанной в культурные коды, на основе которых люди и институты организуют жизнь и принимают решения, в том числе и политические.

Таким образом, сегодня отчетливо ощущается резкое усиление значимости коммуникаций, особенно в политической сфере. Новые информационные технологии меняют качество и структуру предложений на политическом рынке, способствуя небывалому повышению плотности интерактивного взаимодействия элитарных и неэлитарных слоев. В обществе создаются неформальные плебисцитарные механизмы, в том числе и «сетевые отношения». Последние начинают постепенно становиться едва ли не основным инструментом идентификации граждан, организации и координации политического участия элитарных и неэлитарных слоев общества [20, с. 7].

Информационная ситуация не только не разрушает, но и предполагает способность граждан выбирать нужную им информацию. П. Норрис утверждает, что деятельность современных СМИ, как наиболее важных агентов информационного пространства, порождает три базовых эффекта, обеспечивающие прямую связь между ней и «уровнем гражданской сознательности» населения: «эффект выбора» (т. е. возможность свободного выбора людьми источника информации), «медиа эффект» (обусловленность новостной политикой СМИ заинтересованности людей в политическом и гражданском участии), «эффект взаимодействия» (интерактивный характер общения граждан и СМИ, способствующий возникновению устойчивой зависимости между получением информации и обретением политической гражданской позиции) [21].

Но развитие и распространение информационно-коммуникативных технологий в глобальном масштабе происходит неравномерно и противоречиво. Так, Д. Волтон обращает внимание на то, что Интернет как коммуникативное средство провоцирует всплеск индивидуализма и резкое усиление неравенства. При этом быстрая передача огромного массива информации отнюдь не равнозначна улучшению

качества коммуникации. Интернет в определенном смысле даже «проигрывает» радио и телевидению, которые в гораздо большей степени способствуют установлению и укреплению социальных отношений, обеспечивая простой и равный доступ к информации, создавая широкие возможности для воздействия на общественное мнение [22].

Исследование показало, что влияние на личность — явление сложное и характеризуется тесным переплетением не только сознательно, но и стихийно воздействующих факторов (индивидуальный жизненный опыт, социальные условия существования, социальное окружение и т. д.). Индивид, аудитория не могут рассматриваться как пассивный объект воздействия. Они в принципе относятся избирательно ко всем

видам внешнего воздействия, принимая и усваивая одно и отвергая другое. Объективно очень хороший материал может оказаться на деле гораздо менее эффективным, чем могли ожидать коммуникаторы, политические элиты, общество, владельцы средств массовой коммуникации. Аудитория может просто не воспринимать информацию или же воспринимать искаженно, и в результате вместо «переубеждения» материал будет служить лишним усилителем имеющихся взглядов, отношений, установок, а отсюда и поступков, действий. Трудности адаптации человека к современным условиям требуют разработки новых социальных механизмов стабилизации коммуникативных процессов, поиска новых форм упорядочения информационного пространства политической сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Тюфлер Э.** Третья волна. М., 2002.
2. **Нэсбитт Дж., Эбурдин П.** Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М.: Республика, 1992. 416 с.
3. **Berger P.L., Luckmann T.** The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966. 219 p.
4. **Shypunova O.D.** The Role of Relation to Values Principle in the Social Management Practices. The Existential-Communicatory Aspect // Middle-East J. of Scientific Research. 2014. No. 19 (4). Pp. 565–569.
5. **Тихонова С.В.** Коммуникационная революция сегодня: информация и сеть // Полис. 2007. № 3. С. 53–64.
6. **Deibert R.J.** Parchment, Printing and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1997.
7. **Boom** in large-size. TV sets continuing. Business Japan. 1988. Vol. 33, no. 10. P. 16–17.
8. **Савруцкая Е.П.** Философия коммуникации в контексте современности // Философия человека: соврем. коммуникат. практики и образование: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во РХГА, 2010.
9. **Она же.** Феномен коммуникации в современном мире // Актуальные проблемы теории коммуникации. СПб., 2004.
10. **Горбатова Н.В., Станкевич Л.Т.** Информационные технологии. Виртуальные мифы, политическая реальность России // Гуманитарные технологии и политический процесс в России. СПб., 2001.
11. **Deutsch K.** The Nerves of Government Models of Political Communication and Control. N. Y., 1963.
12. **Idem.** Politische Kybemetik: Modelle und Perspektiven. Freiburg, 1969.
13. **Tiggun.** Kybernetik und Revolte. Zuerich; Berlin, 2007.
14. **Gourevitch J.-P.** La politique et ses images. P.: Ediling, 1986.
15. **Маклюэн М.** Телевидение. Робкий гигант // Телевидение вчера, сегодня, завтра. 1998. Вып. 7.
16. **Хабермас Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева. СПб.: Наука, 2001.
17. **Кастельс М.** Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999. С. 296–297.
18. **Он же.** Становление общества сетевых структур // Там же. С. 300–307.
19. **Он же.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
20. **Соловьев А.И.** Коммуникация и культура: противоречия поля политики // Полис. 2002. № 6. С. 6–17.
21. **Norris P.** A Virtuous Circle. Political Communication in Postindustrial Societies. L., 2001.
22. **Wolton D.** Internet et Apres. Une Theorie Critique des Nouveaux Media. 2000.

L.I. Evseeva, I.E. Timermanis

COMMUNICATION PROCESSES IN MODERN POLITICAL PRACTICE

EVSEEVA Lidia I. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: l.evseeva@mail.ru

TIMERMANIS Igor E. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: 57prof@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the problems of social adaptation in the modern context of informational pressure of the media networking. Analyzed are communication technologies of the civic regulation of the public sphere. Rationalized is the need to use new mechanisms of legitimate ways of the information and communication space regulation as a resource to stabilize the political system.

Keywords

THE POLITICAL SISTEM; THE MEDIA POWER STRUCTURE; COMMUNICATION TECHNOLOGIES; SOCIAL ADAPTATION.

REFERENCES

1. Toffler E. *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow, 2002. (In Russ.)
2. Njesbitt Dzh., Jeburdin P. *Chto nas zhdet v 90-e gody. Megatendencii. God 2000* [What awaits us in the 90s. Megatrends.Year 2000]. Moscow, Respublika Publ., 1992. 416 p. (In Russ.)
3. Berger P.L., Luckmann T. *The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge*. 1966. 219 p.
4. Shypunova O.D. The Role of Relation to Values Principle in the Social Management Practices. The Existential-Communicatory Aspect. *Middle-East J. of Scientific Research*, 2014, no. 19 (4), pp. 565–569.
5. Tihonova S.V. Kommunikacionnaya revoljuciya segodnya: informaciya i set' [Communication revolution today: information and network]. *Polis*, 2007, no. 3, pp. 53–64. (In Russ.)
6. Deibert R.J. *Parchment, Printing and Hypermedia: Communications in World Order Transformation*. New-York, Columbia Univ. Press, 1997.
7. Boom in large-size. TV sets continuing. *Business Japan*, 1988, vol. 33, no. 10, pp. 16–17.
8. Savruckaja E.P. [Philosophy Communication in the context of modernity]. *Filosofiya cheloveka: sovremennye kommunikativnye praktiki i obrazovanie* [Philosophy of people: modern communicative practice and education]. St. Petersburg, RHGA Publ., 2010. (In Russ.)
9. Savruckaja E.P. [Phenomenon of communication in today's world]. *Aktual'nye problemy teorii kommunikacii* [Actual problems of communication theory]. St. Petersburg, 2004. (In Russ.)
10. Gorbatova N.V., Stankevich L.T. [Information Technology. Virtual myths political reality in Russia]. *Gumanitarnye tehnologii i politicheskij process v Rossii* [Humanities technology and political process in Russia]. St. Petersburg, 2001. (In Russ.)
11. Deutsch K. *The Nerves of Government Modesl of Political Communication and Control*. New York, 1963.
12. Deutsch K. *Politische Kybemetik: Modelle und Perspektiven*. Freiburg, 1969.
13. Tiggun. *Kybernetik und Revolte*. Zuerich, Berlin, 2007.
14. Gourevitch J.-P. *La politiqueetses images*. Paris, Ediling, 1986.
15. McLuhan M. [Television. Timid Giant]. *Televidenie vchera, segodnya, zavtra* [Television yesterday, today and tomorrow]. Moscow, 1998. Pt. 7. (In Russ.)
16. Habermas Ju. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie* [Moral consciousness and communicative action]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. (In Russ.)
17. Castells M. [The power of identity]. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [A new wave of post-industrial West]. Moscow, 1999. Pp. 296–297. (In Russ.)

18. Castells M. [Formation of society networking]. *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New wave of post-industrial West: An Anthology]. Moscow, 1999. Pp. 300–307. (In Russ.)

19. Castells M. *Informacionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, 2000. (In Russ.)

20. Solov'ev A.I. [Communication and Culture: policy contradictions field]. *Polis*, 2002, no. 6, pp. 6–17. (In Russ.)

21. Norris P. *A Virtuous Circle. Political Communication in Postindustrial Societies*. London, 2001.

22. Wolton D. *Internet et Apres. Une Theorie Critique des Nouveaux Media*. 2000.